

учной деятельности ученого, занимавшего важное место в советском востоковедном языкознании 20—30-х годов, и охарактеризован его вклад в монголистику, тюркологию, алтаистику, его роль в языковом строительстве в СССР, его общелингвистические взгляды.

Ф. Д. Ашнин рассказал о последних днях бывшего непеременимого секретаря Академии наук Украины академика А. Е. Крымского. Знаменитый ученый-востоковед и писатель обманым путем — под видом эвакуации Академии наук Украины в Саратов — 19 июля 1941 г. был арестован в превентивном порядке (имелось в виду возможное использование его в качестве идеолога украинского национализма в условиях немецкой оккупации). Безнадежно больной А. Е. Крымский был этапирован по маршруту Киев — Харьков — Кустанай. Находясь «в очень тяжелом состоянии истощения и одряхления организма», ученый был помещен там в местную тюремную больницу, где скончался 25 января 1942 г.

В прениях воспоминаниями о последних годах жизни А. Е. Крымского (по рассказам Т. И. Грунина) поделилась проф. Э. А. Грунина. Об изменении государственного курса, начавшемся с середины 30-х годов, и соответственно менявшемся отношении властей к уцелевшей после репрессий части интеллигенции дореволюционной формации говорил в своем выступлении О. С. Широкое. В связи с этим он остановился на судьбах отечественных русистов и славистов — таких, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. Н. Сидоров и некоторые другие.

Конференция еще раз показала: трагизм ситуации заключался в том, что репрессиям подверглись талантливейшие ученые, глубоко преданные Родине и делу всей своей жизни — филологической науке. Ибо в первой трети XX в. целая плеяда блестящих ученых призвана была открыть

новые горизонты не только отечественной — мировой филологической науки. Бесчеловечные репрессии навсегда оборвали одни из столь важных исследований, надолго затормозили другие; на десятилетия были изъяты из научного обихода работы загубленных выдающихся филологов, забвению преданы даже их имена. Потери чрезвычайно велики — в русистике, славистике, востоковедении.

Обескровливались целые отрасли знания, например японистика: расстреляны Е. Д. Поливанов и Н. А. Невский, арестованы А. Е. Глускина, Е. М. Колпакчи, Н. И. Конрад... Властям не дано было знать истинную ценность этих уникальных специалистов. Но в преддверии войны с фашистской Германией, нависавшей угрозы со стороны ее союзницы Японии оказалось, что добытые японские документы в стране некому стало прочитать и перевести. Прибегли к помощи заключенного Н. И. Конрада. Из отдаленных мест заключения ученый был препровожден в центральные — в Москву, где и занимался переводами японской документации до своего освобождения в сентябре 1941 г. Был репрессирован Е. А. Крейнович, один из крупнейших специалистов по палеоазиатским языкам различных подгрупп (кетский, нивхский, юкагирский) и этнографии этих северных народов.

Словом, было задержано естественное поступательное развитие научного творчества в области филологии. Тем отраднее, что возникшие лакуны в ее истории восполняются коллективными усилиями последующих поколений (публикуются, например, некоторые архивные рукописные работы, законченные или незавершенные).

Необходимость продолжить эти усилия — восстановить научную традицию — таков главный итог состоявшейся конференции.

Г. Ф. Благова